- МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ВОПРОСЫ АНТРОПОЛОГИИ

ВЫПУСК

7

1 . 9 . 6 . 1

ВОПРОСЫ АНТРОПОЛОГИИ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

выпуск

7

ВОПРОСЫ АНТРОПОЛОГИИ

1961 — вып. 7

В. Р. КАБО

(Институт этнографии АН СССР, Ленинград)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АВСТРАЛИЙЦЕВ И ДРЕВНОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ АВСТРАЛИИ

(по антропологическим материалам)

Коренное население Австралии в антропологическом отношении относится к австралийской расе. Локальные различия в этой группе невелики. Так, например, в целом для австралийцев характерны волистые волосы: курчавые волосы отмечены только кое-где на севере и

юго-востоке Австралии.

Проблема происхождения австралийцев — один из наиболее интересных и сложных разделов этнической антропологии. От ее правильного решения зависит в свою очередь решение проблемы происхождения австралийской культуры. Имеем ли мы основание рассматривать культуру австралийских аборигенов как источник для понимания первобытной культуры, с которой мы знакомы только по мертвым ее остаткам? Здесь я и хочу показать, что ответ на комплекс вопросов о том, какое место занимают австралийские аборигены среди других расовых групп человечества, каково их происхождение, откуда и когда они пришли в Австралию. — заключает в себе ответ и на поставленный выше вопрос.

С начала XVII в., когда европейцы впервые увидели аборигенов Австралии, и вплоть до настоящего времени вопрос об их происхождении занимал и продолжает занимать умы многих исследователей. Выдвигались самые различные гипотезы, более или менее правдополобные. Обзор этих гипотез не входит в задачу настоящей статьи. Большое значение для развития науки о человеке имело, как известно, эволюционное учение Дарвина. Со второй половины XIX в. в трудах ученых-эволюционистов австралийская культура стала рассматриваться как образец первобытной стадии развития, а австралийцы — как типичные представители первобытного человечества. Эти аналогии между австралийцами и людьми верхнего и даже нижнего палеолита делались, — да и сейчас еще делаются некоторыми археологами и историками первобытной культуры — иногда совершенно некритически, так как в них отсутствует анализ объективных фактов, антропологических, этногра-

фических и других, имеющий целью выяснить, имеем ли мы в действительности основание для таких аналогий.

Для того чтобы в проблеме этногенеза австралийцев сойти, наконец, с зыбкой почвы гипотез и встать на твердую почву фактов, нужны были прежде всего интенсивные палеоантропологические исследования.

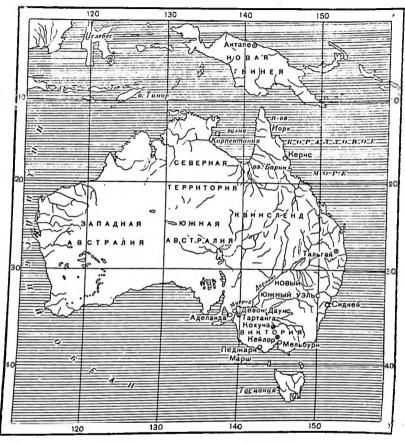

Рис. 1. Находки костных остатков ископаемых людей в Австралии — места находок

В 1884 г. в Юго-Восточном Квинсленде, в местности Тальгай, был найден минерализованный человеческий череп. Значение этой находки было оценено только в 1914 г., а ее описание появилось в 1918 г. Возраст черепа, однако, до сих пор не определен. Согласно геологическим данным, он может насчитывать от 10 до 20 тыс. лет. На древность черепа, очевидно, указывают и сравнительно примитивные черты лицевого скелета (например, больший, чем у современных австралийцев, прогна-

тизм), хотя размер и очертания черепной коробки соответствуют сред-

нему черепу современного аборигена.

В 1925 г. в Виктории, к югу от р. Муррей, близ г. Кохуна, был найден другой череп, сильно минерализованный. Как и тальгайский, он имеет довольно много сравнительно примитивных черт. Результаты химического анализа указывают на древность черепа, но более точные данные отсутствуют (Macintosh, 1953). Череп принадлежит мужчине в возрасте 30—45 лет, убитому ударом в переднюю часть головы. Третий череп был найден в 1940 г. в Виктории, в 10 милях к севе-

Третий череп был найден в 1940 г. в Виктории, в 10 милях к северо-западу от Мельбурна, близ Кейлора, на глубине около 6 м. Череп отличается значительными размерами и сравнительно большой емкостью черепной коробки (1590 см³). Геологический возраст и расовая принадлежность кейлорского черепа сделались предметом оживленной дискуссии (Маһопу, 1943, Zешпег, 1944). Анализ по методу радиоактивного углерода С14 показал, что древесный уголь из очага, который находился на метр выше черепа, имеет возраст 8500—250 лет. Согласно сделанным на основании этого расчетам, человек из Кейлора жил приблизительно от 9 тыс. до 10 тыс. лет назад (Gill, 1953, 1954, 1955). Химический анализ фтора, содержащегося в костях черепа, показал возраст 12 509 лет (McCarthy, 1957, р. 19). Есть все основания опираться на данные радиоуглеродного и химического анализов, как наиболее надежные (Колчин и Монгайт, 1960).

По мнению Д. Вундерли (Wunderly, 1943), в кейлорском черепе совмещены в одинаковой пропорции австралоидные и тасманоидные черты. Это мнение вызвало возражения других специалистов (Wood Jones, 1944). Ф. Вейденрейх указывал на большое сходство между кейлорским черепом и двумя черепами из Вадьяка (о-в Ява), найденными Э. Дюбуа в 1889 г. и описанными им в 1922 г., причем уже он отмечал протоавстралоидные черты вадьякских черепов (Dubois, 1922). По словам Вейденрейха, «люди из Кейлора и Вадьяка, без сомнения, принадлежат к одной и той же расе» (Weidenreich, 1945, р. 28). В то же время и вадьякские, и кейлорский черепа имеют много общего с черепами современных австралийских аборигенов. Это были, следовательно, ранние австралоиды, или протоавстралоиды, от которых произошли со-

временные австралийцы.

В 1929 г. при археологических раскопках близ Тартанги и в пещере у Девон Даунс, на Нижнем Муррее, в Южной Австралии. Г. Хэйл и Н. Тиндаль обнаружили фрагменты трех скелетов детей в возрасте 10—12 лет (Hale and Tindale, 1930). Анализ радиоактивного углерода, содержащегося в раковинах, служивших пищей людям из Тартанги, показал, что они жили приблизительно 6020 лет назад. Другие анализы показывают, что население имелось здесь уже за 3 тыс. лет до этого

(Tindale, 1956).

Сравнивая все эти черепа с черепами современных аборигенов, антропологи приходят к выводу, что древние австралийцы обладали более примитивным и массивным лицевым скелетом и более массивными зубами, чем современные аборигены. Все ископаемые черепа принадлежат людям одной расы и представляют протоавстралондный тип, из которого развился тип современных аборигенов. Эти находки, как будет показано ниже, не решают проблему древности человека в Австралии, но во всяком случае сравнительная примитивность ископаемых черепов показывает, что аборигены физически эволюционировали уже на австралийском континенте, а это одно служит указанием на значительную древность их пребывания в Австралии (Keith, 1931).

Вадьякские черепа и череп из Антапе, найденный в 1929 г. на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, антропологами признаны австралоидными. Это значит, что следы австралондной расы прослеживаются
вплоть до плейстоцена на Новой Гвинее и в Индонезии. До наших дней
австралонды сохранились в Индии (дравиды, мунда), на Цейлоне
(ведлы), на полуострове Малакка (сеной или сакаи), в Индо-Китае
(мои), на Никобарских островах, на Суматре, на Целебесе (тоала),
на острове Тимор, на Новой Гвинее, в Меланезии (на Новой Каледонии и в архипелаге Бисмарка) и даже на юго-востоке Аравийского
полуострова. Очевидно, эти небольшие рассеянные группы австралоидного населения оставили позади себя предки австралийцев, расселяясь
из Южной и Юго-Восточной Азии.

Радиоуглеродный анализ материала, добытого при раскопках в районе Педжарк Марш, дал цифру 13 725±350 лет (Gill, 1955; Zeuner, 1958). А совсем недавно, в апреле 1960 г., на симпознуме, состоявшемся в Блумингтоне (штат Индиана, США), геолог Э. Гилл сообщил, что новейшие исследования объектов из Кейлора на радиокарбон дали цифру 18 тыс. лет (материалы симпознума находятся в Институте этнографии Академии наук СССР в Ленинграде). Это пока наиболее ранние даты абсолютной хронологии для истории австралийских аборигенов. Но и Педжарк Марш, и Кейлор находятся в Юго-Восточной Австрални, в Виктории. Следовательно, к этому времени человек должен был уже заселить всю Восточную Австралию. Таким образом, эти даты нельзя считать датами появления человека в Австралии. Оно должно было произойти раньше, вероятно на несколько тысячелетий. Может быть. эти даты не являются наиболее ранними вехами появления человека и в Виктории, заселение которой относится, по Э. Гиллу, еще к эпохе позднего плейстоцена и вымерших гигантских сумчатых, вместе с остатками которых найдены кости собаки динго и кость одного из вымерших сумчатых, с резьбой, сделанной, как было доказано, человеческой рукой (Gill, 1951). Педжарк Марш, где под слоем вулканического пепла найден каменный жернов, относится к следующему периоду; это был конец плейстоцена или начало голоцена (Gill, 1953).

Цифры, близкие к дате Педжарк Марш, дают, как мы видели, результаты исследования ископаемых черепов: 10—20 тыс. лет для тальгайского черепа, 9—18 тыс. лет для кейлорского, приблизительно около 10 тыс. лет для фрагментов из Тартанги и Девон Даунс. Геолог Кебл полагает, что появление первых людей в Австралии имело место

16—18 тыс. лет назад (Keble, 1948).

Пифры эти сравнительно невелики и соответствуют приблизительно концу европейского верхнего палеолита и мезолиту. Они оказываются даже меньшими, чем цифры, которые предлагают американские археологи для начала заселения Америки. Как одну из наиболее ранних дат, установленных радиоуглеродным анализом, они указывают в настоящее время 22 тыс. лет до н. э. (стоянка Туле Спрингс) (Willey, 1960). Называются и более ранние даты — до 35 тыс. лет до н. э., — но они недостаточно обоснованы. Исходя из всего комплекса данных трудно предположить, что заселение Австралии началось позже Америки. Скорее всего, данные абсолютной хронологии пока еще не дают даты появления первых людей в Австралии, и поэтому следует согласиться с теми, кто относит это событие к более ранней эпохе последнего ледиикового периода, когда между Юго-Восточной Азией и Австралией вследствие понижения уровня воды в океане имелись материковые мосты, сделавшие возможным заселение Австралии. Но сначала рассмотрим

вопрос о месте, занимаемом современными австралийцами среди других расовых групп человечества, и о происхождении их расового типа.

В советской литературе австралийцев обычно относят к большой негро-австралоидной (экваториальной) расе в качестве ее особой австралоидной ветви (Чебоксаров, 1951; Дебец, 1956, 1958). Иную генетическую схему предлагает В. В. Бунак (1956, 1958). По его мнению австралоиды формировались независимо от типов тропического пояса, к которым принадлежат курчавоволосые группы Океании и Африки. Австралоиды «в целом стоят ближе к северным антропологическим типам, особенно к их древнейшим исходным формам» (Бунак, 1956, стр. 99). Австралоидные элементы составили первоначальные группы американского населения (там же, стр. 101). Человека верхнего палеолита Бунак рассматривает как представителя обобщенной (не дифференцированной) арханческой формы современного человека. В строении верхнепалеолитического неоантропа, однако, преобладали краниологические особенности тропического и южного стволов (т. е. негроид-

ного и австралондного).

Г. Ф. Дебец, который оспаривает ряд положений Бунака, допускает, что можно говорить о принадлежности непосредственных предков австралницев к протоморфным, исходным (или архаическим) формам неоантропа. Таким образом, обе концепции дают основание рассматриисходным формам вать австралоидный тип как близкий к ранним, неоантропа. Так, по мнению Дебеца, тип строения волос австралийцев является более древним, чем у негров: предки последних имели волиистые волосы. Столь же древняя особенность — развитый третичный волосяной покров австралийцев и европейцев. К исходным формам неоантропа близки также айны. Как признает Дебец, вопрос о месте в классификации австралийцев следует считать в настоящее время «наиболее дискуссионным» (Дебец, 1958, стр. 77). Так, кроме изложенного мнения В. В. Бунака, согласно которому сочетание важнейших признаков, характерное для австралийцев, служит основанием для выделения их в особую австралоидную большую расу, в систематическом отношении равноценную негроидной и европеоидной, и мнения Г. Ф. Дебеца о родстве австралоидов с негроидами существует третий взгляд — о близости австралоидов к европеоидам. Согласно этой точке зрения, предки австралийцев были европеоидами, или «арханчными кавказондами», смешавшимися еще до прибытия в Австралаю, или уже в Австралии типа (Hooton, 1946; Kroeber, 1948; с негроидами меланезийского Gates, 1960).

Согласно точке зрения А. Грдлички, австралийцы ближе всего стоят к древнему (позднемустьерскому или ориньякскому) населению Европы (Hrdlicka, 1926). Американские антропологи Р. Билс и Г. Хойер выделяют в составе европеоидов группу «арханческих» рас: айны. дравиды, ведды и австралийцы (Beals and Hooijer, 1954), а, по мнению английского антрополога Ф. Вуда Джонса, австралийцы были авангардом европеоидов — дравидов, которые в далеком прошлом распространились из Средиземноморья через Индию и Цейлон (Wood Jones, 1934). Г. Ф. Дебец отмечает, что выделение «архаических» рас заслуживает внимания, поскольку здесь «архаические» не следует понимать как «низшие» в эволюционном смысле. «Речь идет о древних формах, сохранившихся в условиях относительной изоляции». — пишет он в рецензии на книгу Билса и Хойера («Советская этнография».

1956, № 1, стр. 147).

Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин относят начало формирования со-

временных рас к раниему этапу поздисго палеолита. Уже в то время австралоидные черты ясно выражены на черепах из Южной Африки. (Кэп-Флегс, Флорисбад), Средиземноморья (Гримальди), Центральной Европы (Комб-Капелль), Восточной Европы (Костенки, Воронежской области, стоянка Маркина Гора), Передней Азии (Шукба), Индо-Китая (Тампоиг) и, наконец, с о-ва Ява (Вадьяк). Все эти формы невозможно отнести к какой-либо современной расе (Рогинский, Левии,

1955, стр. 457). Обращает внимание здесь прежде всего широкое распространение протоавстралоидного типа в верхнем палеолите и затем его связь через черепа из Вадьяка и Антапе с черепом из Кейлора, который как бы замыкает цепь. Распространение протоавстралоидного типа от Африки до Юго-Восточной Азии, как мне кажется, позволяет рассматривать его как стадию в формировании современных больших рас, соотносимую с началом верхнего палеолита. В это время на необъятных пространствах, огибающих дугой Индийский океан, началось формирование современных рас. Позднее в эту зону были включены Австралия и Америка; причем первые американцы, вероятно, были протоавстралоидами, как можно предположить на основании антропологических данных из Южной и Центральной Америки. Как думают некоторые антропологи, первые американцы принадлежат к типу, от которого произошли современные айны и австралийцы. За ними последовали монголонды (Birdsell, 1951). Австралийны же благодаря их относительно изолированному обитанию сохранили в известной мере стадиально ранний антропологический тип.

Антрополог А. Эбби, изучавший краниологические особенности аборигенов, отмечает, что они представляют обобщенный тип, из которого могли произойти все другие человеческие расы (Abbie, 1951). Данные радиоуглеродного анализа, как мы видели, подтверждают предположение, что человек этого антропологического типа проник в

Австралию в верхнем палеолите.

Таким образом, если антропологические формы начала верхнего палеолита в Африке, Европе и Азии впоследствии модифицировались и образовали современные расы, то протоавстралондный тип этой эпохи, оказавшись в Австралии, в условиях относительной изоляции изменился в меньшей степени. Факты не противоречат тому, что протоавстралоидные формы верхнего палеолита принадлежат к наиболее · архаичным формам неоантропа. Это были нейтральные формы, так как в эту эпоху признаки главных современных рас только начали формироваться. Современные австралийцы благодаря своеобразным условиям их развития в большей степени, чем другие расы, сохранили антропологические особенности древнейших представителей неоантропа. с которыми их связывают их предки на австралийском материке (Кейлор, Тальгай и Кохуна) и на Яве (Вадьяк). Наследниками тех верхнепалеолитических промежуточных форм, о которых пишут Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин (1955, стр. 459), вероятно, и являются современные австралийцы, которые сочетают признаки европеондов и негрондов и тоже занимают своеобразное промежуточное положение между ними. Нейтральный австралоидный тип формировался в областях, прилегающих к Индийскому океану, от Южной Африки до Юго-Восточной Азии, и постепенное расширение ареала его обитания началось в плейстоцене, в позднеледниковое время, продолжалось на грани голоцена и завершилось в голоцене.

В проблеме происхождения австралийского антропологического

типа особое место занимает теория американского антрополога Бэрдселла. Среди современных австралийцев он различает три типа, представленных в трех географических областях: «карпентарианцы» населяют Северную Австралию к югу от залива Карпентария, «баринейцы» — горные тропические леса Северного Квинсленда, вокруг озера Барин, «мурейцы» — Южную Австралию. В Центральной Австралии они смешались и образовали четвертый, смешанный тип. Бэрдселл считает, что местные варианты, представленные тремя основными типами, образовались не в результате тысячелетнего обитания различных групп первоначально однородного населения в отдаленных одна от другой областях, как думают многие антропологи, но вследствие различного расового происхождения этих групп. Айны имеют сходство с «мурейцами», «баринейцы» близки к негритосам Океании, а «карпентарианцы» — к мунда Индии и веддам Цейлона. Негроидный элемент был, как считает Бэрдселл, наиболее древним компонентом австралийского населения. По этой теории, на протяжении последнего ледникового периода в Австралию проникли три миграции различного расового состава (Birdsell, 1941, 1947).

Бэрдселл основывается на реально существующих физических различиях среди аборигенов. Ему совместно с Н. Тиндалем принадлежит открытие нескольких изолированных групп (всего около 6:00 человек) негроидного населения в горных тропических лесах Северного Квинсленда (Tindale and Birdsell, 1941). По мнению Бэрдселла, это сохранившиеся в изоляции остатки тасманоидного пласта на австралийском материке. Я думаю, однако, что здесь допустимы и другие возможности. Может быть, это более поздняя примесь курчавоволосых типов меланезийской расы. Кроме того, антропологические особенности этой группы могли образоваться со временем в результате длительного обитания в условиях влажных тропических лесов и изоляции, подобно тому как образовался своеобразный низкорослый тип в сходных условиях внутренних горных областей Новой Гвинеи, о-вов Меланезии или тропических лесов Центральной Африки. Вопрос во всяланезии или тропических лесов Центральной Африки. Вопрос во

ком случае остается открытым.

Палеоантропология, которой в этом вопросе должно принадлежать решающее слово, не дает достоверных доказательств раннего тасманондного слоя в Австралии. Я уже упоминал, что многие исследователи сомневаются в наличии тасманоидных признаков в черепе из Кейлора. Н. Тиндаль пытался обосновать тасманоидность черепов, найденных им в Тартанге, и их сходство с черепами негроидов Квинсленда. Этим делалась попытка связать «человека из Тартанги» с предполагаемым древним тасманоидным слоем, а «человека из Кохуны» -- с южными австралондами, которые вытеснили или истребили первых (Tindale, 1941). Это рецидив старого взгляда, который впервые был высказан в начале XIX в. и затем тяготел над большинством относящихся к этногенезу австралийцев теорий, что коренное население Австралии - смешанное по своему происхождению и что это смешение произошло уже на австралийской почве в результате поглощения или истребления народом светлокожей расы и более высокой культуры своих темнокожих негроидных предшественников с низкой культурой (Cunningham, 1827; Topinard, 1872; Mathew, 1899, 1910; Howitt, 1904; Speiser, 1946). Между тем в пользу этой теории никем и никогда не было приведено достаточно убедительных доказательств. Мне не известно также, чтобы полытка Тиндаля антропологически обосновать эту теорию была поддержана другими специалистами. Тиндаль не прав еще и потому, что человек из Кейлора — очевидный протоавстралоид — не только географически сосед людей из Тартанги, но и хронологически если не современник, то предшественник их (напоминаю, что его возраст анализом на радиокарбон и фтор определен в 9—18 тыс. лет, а возраст людей из Тартанги — в 6—9 тыс. лет). Предшественником людей из Тартанги был и тальгайский человек. Очевидно, антропологически это было то же самое население. постепен-

но расселявшееся к югу, а не две расы, как думает Тиндаль. Кроме того, три расовые группы — тасманоиды, айноиды и веддоиды, — от смешения (в разных пропорциях) которых, по мнению Бэрдселла, произошли австралийцы, все принадлежат к тем «архаическим» расам, о которых говорилось выше, все это одинаково древние формы, сохранившиеся благодаря тем или иным обстоятельствам. Их различия объяснимы как расхождения в пределах первоначально единого типа, отдельные группы которого в течение тысячелетий развивались во взаимно удаленных областях. Этим исходным типом, вероятно, и был протоавстралоидный тип верхнего палеолита. В этой связи заслуживают внимания выводы К. Вагнера, к которым он пришел после изучения большого числа черепов австралницев, тасманницев и меланезийцев. По его мнению, все это ветви одного этнического ствола, каждая представляет собой местный вариант, образовавшийся в результате географического разъединения (Wagner, 1937). Это подтверждает гипотезу Н. Н. Миклухо-Маклая об антропологической близости между папуасами и австралийцами и выводы Ф. Саразина, который был склонен рассматривать австралийцев, тасманийцев и меланезийцев как «близко родственные, но в различной степени развитые и по многим признакам специализированные ветви одного и того же племени» (Бунак и Токарев, 1951, стр. 504).

Конечно, не исключено, что австралийцы могут происходить от нескольких групп пришлого населения, причем последующие группы могли уже в известной мере отойти от исходного типа. Признаки этого исходного, протоавстралоидного типа, однако, в Австралии несом-

ненно преобладают.

австралийцев, близкую Концепцию смешанного происхождения к теории Бэрдселла, разделяет в настоящее время и польский антрополог А. Л. Годлевский (Godlewski, 1959). Согласно последнему, Австралия и Океания заселены несколькими миграционными волнами из Юго-Восточной Азии. Первыми Австралию и Тасманию заселили негроиды, затем австралоиды. Позднее последовала «экспансия папуасов» (по выражению Годлевского) в северные И центральные районы Австралии. Годлевскому можно возразить то же, что и Бэрдселлу. Палеоантропология, которой здесь должно принадлежать решающее слово, не дает достоверных доказательств раннего негроидного слоя, предшествующего австралондному. Антропологическая. лингвистическая и этнографическая близость Центральной и Северной Австралии, с одной стороны, и Новой Гвинеи, - с другой, сбыясняется двумя факторами: во-первых, тем, что австралийцы и палуасы. по-видимому, происходят от единого этнического ствола, во-вторых, связями и взаимными влияниями этих двух народов на протяжении всей их истории.

В настоящее время многими специалистами признается, что группы крови являются довольно стойким и поэтому надежным показателем, дающим в условиях изоляции населения своеобразную картину.
Ярким примером этого служат австралийцы. Группа крови В в незна-

чительном количестве встречается только на северном и западном берегах Австралии и на полуострове Йорк, где это, несомненно, результат контакта с другими народами Океании. В остальных областях Австрални группа В отсутствует. Такое своеобразное соотношение групп крови характерно также для индинцев Северной и Южной Америки и маори Новой Зеландии. Интересно распределение группы А, процентное содержание которой в крови аборигенов постепенно увеличивается с севера к югу, от 10% в области залива Карпентария до 40% в Южной Австралии. В Восточной и Западной Австралии содержание этой группы не превышает 25%. Таким образом, увеличение содержания группы А с севера к югу наблюдается только в центральных областях. По группе МN аборигенная Австралия занимает такое же своеобразное положение среди остального человечества, как и Америка. В отличие от равномерного распределения этой группы в остальном мире Австралия дает резко заниженное количество фактора М, тогда как Америка, напротив, — завышенное его количество, и, наоборот, фактор N у австралийцев преобладает, а у американских индейцев его содержание очень незначительно (Mourant, 1954; Simmons, 1956; Kooptzoff and Walsh, 1957).

По мнению авторитетных специалистов (Бунак, Дебец, Мурант), такое своеобразное сочетание групп крови, какое наблюдается в Австралии и Америке, характерно для народов, ведущих происхождение от одной, может быть, двух-трех малочисленных групп населения, продолжительное время затем живших в условиях изолящии (Рогинский,

1947).

Эти выводы имеют для нас важное значение. В Юго-Восточной и Южной Австралии археологами открыто немало стоянок австралийцев. Следовательно, если на землю Северной Австралии ступила немногочисленная группа протоавстралоидов, она достигла южной Австралии уже в значительно возросшем числе. Оказавшись в сравнительно благоприятных природных условиях Северо-Восточной расселяться очень Австралии, эта небольшая группа должна была медленно, и единственным стимулом для этого могло быть только увеличение населения. Даже не делая точных расчетов, все же можно уверенно сказать, что между появлением на севере Австралин немногочисленной группы аборигенов и той эпохой, когда значительно выросшее население расселилось вплоть до южных ее берегов (что произошло, как мы уже знаем, не менее 13-18 тыс. лет назад), должно было пройти не одно тысячелетие. Следовательно, протоавстралоиды пришли в Австралию еще в плейстоцене, в позднепалеолитическую эпоху. Следующие группы могли прийти сюда уже в начале мезолита, в голоцене. Эту возможность мы допускаем, оговариваясь, что исследования групп крови говорят скорее в пользу гомогенности аборигенов и против гипотезы о сложном их происхождении. Небольшая примесь группы В на севере, вероятно, меланезийская и сравнительно недавняя. В целом же Австралия в отношении групп крови совершенно уникальна, и смешение с другим населением, отличающимся антропологически, должно было бы изменить эту картину.

Среди теорий о происхождении австралопаного типа известное место принадлежит теории «полицентризма» Ф. Вейдепрейха, которую также разделял и А. Кизс (Keith, 1949). Согласно этой теории, один из центров эволюции человека находился в Юго-Восточной Азии, где линия развития шла от питекантропа через явантропа (игандонгского человека) к вадъякскому человеку, а от последнего — к современным

австралийцам. Я. Я. Рогинский убедительно показал необоснованность теории «полицентризма» в целом и в частности отсутствие специфического сходства у питекантропа с австралийской расой (Рогинский, 1949). Лишена оснований и другая теория — о происхождении австралийцев непосредственно от неаидертальцев, которая исходила из наличия якобы специфического сходства лицевого скелета австралийцев и неандертальцев (Бунак и Токарев, 1951, стр. 501). Австралийцев можно считать такими же потомками неандертальцев, как и представите-

лей всех других современных рас.

Из правильного наблюдения, что в антропологическом типе австралийских аборигенов как бы представлены в нерасчлененном виде все (или почти все) расовые типы человечества, Г. Клаач и О. Шетензак в конце XIX в. — в начале XX в. сделали ошибочный вывод, что все человечество вышло из Австралии и затем, уже расселившись, распалось на расы. На самом деле, на территории Австралии, где не найдено останков архантропов и соответствующей материальной культуры, человек появился сравнительно поздно. Австралийская арханческая полиморфная раса, следовательно, сформировалась не в Австрални, но мигрировала на этот изолированный материк, благодаря чему и сохранилась. Поэтому можно согласиться с Кизсом, который писал в 1925 г., что из всех ныне живущих человеческих рас аборигены Австралии ближе всего стоят к предковому расовому типу. Австралийские аборигены представляют собой «древний и обобщенный тип человечества». В большей степени, чем какая-либо другая современная раса, аборигены Австралии и Тасмании сохраняют особенности того ствола, из которого выросли все современные расы (Keith, 1925).

В той или иной форме это мнение разделяют, как мы видели, многие другие антропологи. Близки к этому и взгляды тех советских ученых, на которых я ссылался выше. В этом ряду находится и теория американского антрополога У. Хоуэллса, по мнению которого австралийцы — не результат смешения, но особая большая раса, притом самая арханчная из ныне существующих рас. Они ближе к ранней стадии в развитии неоантропа, чем какая-либо другая современная раса (Howells, 1937, pp. 71, 77). Как считает Хоуэллс, австралийцы, сохранившиеся благодаря изоляции, представляют в значительной степени стадию морфологического развития, достигнутую человеком современного типа в Азни в ту отдаленную эпоху, когда он начал заселение Океании. Австралийцев следует рассматривать как древнейшую из ныне существующих рас, как прямых потомков первых представителей неоантропа, а негров и негроидов — как следующую за ними по времени формирования расу. По ряду соматических признаков австралийцы ближе к исходному типу неоантропа, они менее специализированы, чем какая-либо другая раса, в том числе и негры. Согласно Хоуэллсу, формирование современных рас происходило не одновременно, но было прогрессивным процессом, наиболее ранним этапом которого была австралоидная стадия (там же, стр. 74). Эта концепция представляется мне убедительной и отвечающей фактам. Я расхожусь с Хоуэллсом только во взгляде на область формирования протоавстралоидного типа. По его мнению, этот тип возник в Азии, вероятно в Индин. Мне представляется более вероятным на основании даиных палеоантропологии, что эта область включала не только Азию, но и Европу и Африку.

Протоавстралоиды, располагавшие, очевидно, очень примитивными средствами навигации, могли попасть в Австралию только в ту

эпоху последнего ледникового периода, когда между Юго-Восточной Азией и Австралией вследствие понижения уровия воды имелись материковые мосты. Взгляды современной геологии подтверждают такую гипотезу. Эти массивы суши не могли быть сплошными, они разделялись проливами, иначе представители азиатской и индонезийской фауны проникли бы в Австралию. Сплошной мост суши между Австралией и Азией существовал в плиоцене, т. е. более чем миллион лет назад, но он был разрезан проливами еще до того, как мог быть ис-

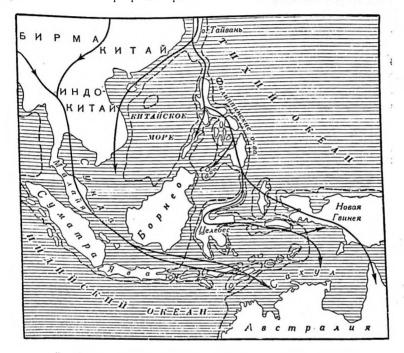

Рис 2. Пути заселения Австралии в плейстоцене (по McCarthy, 1957)

пользован плацентарными азнатскими животными. Линия Уоллеса (между Борнео и Целебесом) отделяет азнатскую фауну от австралийской. По-видимому, наступление ледников в плейстоцене наряду с ростом населения в Юго-Восточной Азии заставили какую-то часть его двинуться на юг. В последнюю ледниковую эпоху небольшая группа (может быть, не одна) протоавстралоидов намеренно или случайно пересекла сравнительно неширокие проливы двумя массивами суши. Северному массиву (шелфу) геологи дали название Сунда; он составлял одно целое с азнатским континентом, простирался от Юго-Восточной Азии до о. Сумбава и включал Суматру, Яву, Борнео, Филиппинские о-ва, Японию и Сахалии. Далее к юго-востоку или Малые Зондские о-ва, проливы между которыми были тогда более узкими, чем теперь. Последний из этой группы о. Тимор был расположен довольно

близко от южного массива суши — Сахул, который включал в себя Австралию, Тасманию, Новую Гвинею, ближайшие к Австралии острова и, возможно, часть Меланезии. В свою очередь узкие проливы отделяли его от о. Целебес и Филиппинских о-вов. Одна из групп протоавстралоидов двигалась, вероятно, через Яву и Тимор в Северо-Западную Австралию, другая — через Целебес и Новую Гвинею на полуостров Йорк. Находки протоавстралоидных черепов на Яве и Новой Гвинее отмечают путь этих групп. Таким образом, расфтение первых австралийцев началось где-то в Северо-Западной Австралии и на полуострове Йорк. Последнее наиболее вероятно, так как ископаемые остатки палеоавстралийцев обнаружены до сих пор только в Восточной и Юго-Восточной Австралии. Кроме того, проливы между Новой Гвинеей и Молуккскими о-вами были сравнительно нешироки (Тауlог, 1927, р. 52ff; Keesing, 1950). Очевидно, древний массив суши Сунда входил в область формирования протоавстралоидного типа, потомками которого в наше время являются ведды Цейлона и айны Северной Японии и Сахалина.

Уровень океана в плейстоцене, как считают геологи, был ниже, чем теперь. С окончанием последнего ледникового периода уровень воды в результате таяния льда поднялся, море затопило низменные области материков Сунда и Сахул, распределение воды и суши в

этой части земного шара приняло современный вид.

В плейстоцене наиболее широкие проливы отделяли материк Сунда от Малых Зоидских о-вов и Целебеса (линия Уоллеса) и о. Тимор от материка Сахул. Полагают, что этот последний пролив был самым

широким, но его ширина, однако, не превышала 60 миль.

На протяжении последней (четвертичной) ледниковой (приблизительно от 30 тыс. до 13 тыс. лет назад) группы населения. передвигаясь по суше, вполне могли достичь самых отдаленных областей Сунда. Но характер распределения воды и суши между материками Сунда и Сахул в эту эпоху еще недостаточно ясен. Возможно, что в разное время между группами островов возникали и исчезали участки суши, по которым могли пройти палеоавстралийцы. Это могло произойти во время максимального оледенения, приблизительно от 15 тыс. до 20 тыс. лет назад. Может быть, с ними были уже собаки динго. Скорее всего, однако, люди воспользовались теми средствами навигации, что были в их распоряжении. До сих пор аборигены западноавстралийского побережья пользуются простым плотом из связанных бревен. На таких плотах они совершают плавания вдоль берега или между материком и недалеко расположенными островами. Такой плот был распространен прежде и на северных берегах Австралии. пока его не вытеснили заимствованные от папуасов и индонезийнев долбленые деревянные лодки. Лодки, сделанные из коры, еще недавно были в употреблении не только в Восточной и Северной Австралии. но и кое-где в Индонезии. Д. Кук во время своего плавания вдоль берегов Восточной Австралии обнаружил на о-ве Лизард, в 5-6 лигах (т. е. в 15—18 географических милях, или 30 км) от материка хижины и другие признаки того, что аборигены доплывали до острова на своих лодках. Такими примитивными средствами мореплавания могли располагать и палеоавстралийцы. Изобретение этих средств. которых еще не было у нгандонских палеоантропов, сделало возможным открытие Австрални человеком.

Итак, небольшие группы людей постепенно проникали в различные части островной зоны между материками Сунда и Сахул, пока, нако-

нец, одна из них не вступила на землю южного материка. За ней могли последовать другие, столь же малочисленные группы. Это были, конечно, не миграции, а медленный, стихийный процесс, растянувшийся на тысячелетия. Тем более, это не могли быть группы различного расового состава, как предполагает Бэрдселл. Среди населения материка Сунда, после тысячелетнего смешения там, а затем и в Австралии, едва ли могли быть ясно различимые негроиды, айнонды и веддонды.

Первых австралийцев встретили не те климатические и физикогеографические условия, которые характерны для современной Австралии. Страна была более плодородной. Климат был холоднее, осадки выпадали тогда повсюду в большем количестве, чем теперь, и поэтому растительность, характерная теперь только для хорошо орошаемых областей материка, была распространена тогда значительно шире. Там, где сегодня простираются безводные, выжженные солнцем полупустыни, были озера и текли полноводные реки. В стране водились теперь уже вымершие животные, в том числе гигантские сумчатые. По мере того как увеличивалось население, все это способствовало постепенному освоению человеком материка, в том числе и его внутренних областей. Но с окончанием ледникового периода климат сделался жарче и суше, озера стали солеными болотами, реки высохли и центральные области превратились в полупустыню. Население вынуждено было постепенно менять свой образ жизни и приспосабливаться к новым условиям. Этот процесс приспособления к меняющейся естественной среде, которая предъявляла к людям все более суровые требования, оказал сильное влияние на культурное и социальное развитие аборигенов.

Собака динго, спутник австралийского охотника, пришла из Азии вместе с человеком. По мнению Вуда Джонса, динго вместе с другими породами домашних собак происходит от палеоарктического волка, но стоит ближе к исходному, предковому типу, чем другие породы. Европейская собака каменного века и динго почти идентичны (Wood Jones, 1921). Таким образом, древнейший представитель неоантропа пришет в Австралию с древнейшим представителем домашней собаки. Оба в

известной мере сохранили свой физический облик.

Постепенно переселяясь к югу вместе с человеком, собака достигла Юго-Восточной Австрални ко времени образования Бассова пролива. Ее нет и не было ни в Тасмании, ни на островах Бассова пролива. Тасмания до образования Бассова пролива составляла с материком одно целое, соединяясь с ним Бассовым перешейком. Если она была заселена палеоавстралийцами, то, следовательно, собака пришла в Австралию со второй, более поздней группой аборигенов, когда потомки первой группы успели уже расселиться вплоть до Юго-Во-

сточной Австралии.

Возможно, однако, что Тасмания вообще не была заселена в плейстоцене и что ее население из Австралии или Меланезии, скорее всего из обеих, попало сюда позже, когда она стала островом. Сомневаться в возможности заселения Тасмании в плейстоцене заставляет меня то, что, как утверждают геологи, в течение почти всего плейстоцена значительная часть Тасмании была покрыта льдом (в Австралии ледник покрывал только горное плато Косцюшко). Последнее оледенение Тасмании продолжалось вплоть до голоцена (Laseron, 1954, р. 186). Было ли возможным заселение Тасмании в таких условиях, представляется мне очень проблематичным. Позднее небольшие группы

людей могли быть заиссены сюда мощным океанийским течением, омывающим южную часть восточно-австралийского побережья и начинающимся где-то вблизи Новой Каледонии. Очевидно, заселение Тасмании началось с очень небольшой группы (или групп) людей, если ко времени прихода европейцев общая численность населения составляла здесь, как полагают, 1100—1200 человек (The Australian Encyclopaedia, 1958, v. I, р. 104). Вероятно, тасманийцы — местный вариант австралийских аборигенов, смешавшийся с палеомеланезийцами.

Итак, австралийцы в значительной степени унаследовали антропологические особенности своих позднепалеолитических предков — протоавстралондов. В этом смысле они составляют уникальную расу. Но не только этим они представляют особенный интерес для науки. Если сохранению их антропологического типа способствовала относительная изоляция, то логично допустить, что вместе с физическим типом они сохранили и некоторые древнейшие черты человеческой культуры. Это не означает, конечно, что культура позднего палеолита была во всем

аналогична австралийской.

Во-первых, материальная культура австралийцев задолго до европейской колонизации достигла уровия мезолита, а некоторые прогрессивные ее черты позволяют сравнивать ее с ранним неолитом. Во-вторых, общественный строй и духовная культура австралийцев за многие тысячелетия их истории очень сильно усложнились и специализировались, и в ряде случаев мы должны признать, что австралийцы так же далеко ушли от своих позднепалеолитических предков, как и другие народы, но ушли по своему особому пути. В процессе развития и специализации их культуры немалую роль играло растянувшееся на тысячелетия приспособление к меняющейся естественно-географической среде. В-третых, изоляция австралийцев не была абсолютной, и их культура носит многочисленные следы посторонних влияний.

Все это мы должны иметь в виду. И если мы все же говорим, что австралийцы сохранили некоторые черты позднепалуолитической культуры, то исходя из тезиса, что одинаковым уровнямупроизводства соответствуют и аналогичные — в основных чертах — производственные отношения, а известному уровию экономического развития соответствуют

и определенные социально-идеологические формы.

Определение места австралийцев на шкале стадиального развития человеческой культуры должно основываться не на тех или иных отдельных признаках, а путем сравнения всего культурного комплекса в целом, прежде всего главных орудий производства (Кабо, 1959). Во всяком случае наши аналогии, чтобы оставаться обоснованными, не должны идти глубже позднего палеолита. Поиски аналогий (а они так часто встречаются в литературе, вплоть до вышедшей в 1959 г. книги В. Ф. Зыбковца «Дорелигиозная эпоха») между культурой австралийшев, тасманийцев или какого-либо другого современного народа и ранним палеолитом, как правило, бывают необоснованными.

В пачале нашего столетия В. Шмидт рассматривал так называемых пигмеев антропологически и этнографически в качестве представителей древнейшего человечества (Schmidt, 1910). С тех пор была доказана ошибочность аргументации Шмидта. Заимствованные им у апатома И. Кольманна антропологические аргументы были опровергнуты, вопервых, тем фактом, что палеоантропология не знает «пигмейской» сталип развития человечества, во-вторых, тем, что, как показывают современные исследования, пигмен вообще не составляют какого-либо рассового или этнического единства, а сформировались в каждом случае

независимо, в результате местных естественно-географических и общественно-исторических условий. Их физические особенности — явление вторичного порядка. Антропологи-систематики не выделяют низкорослые племена в качестве особого расового типа и таким образом растворяют их в основных расовых типах человечества. Говорить о какойлибо особой антропологической древности пигмеев поэтому нельзя, а следовательно, цет оснований и настаивать на «этнологической» их

древности. В вопросе об относительной древности тех или иных народов решающее слово должно принадлежать антропологии. Между тем антропологические факты убедительно говорят в пользу наибольшей древности австралийцев и родственных им групп. На этом основании мы можем говорить и о возможной древности некоторых элементов австралийской культуры. Но начинать здесь надо с антропологии, так как в ходе многовековой истории каждого народа неизбежно происходят изменения в его культуре. Ни один народ, ни одна культура, даже наиболее изолированные, не могут быть законсервированы и сохранены от внешних влияний и от внутренних прогрессивных исторических процессов. Сняв привнесенные извне наслоения (после того как мы установили, что можем считать таковыми) и выяснив, какие элементы культуры возникли в силу тех или иных исторических обстоятельств на территории Австралии, мы можем утверждать, что ниже лежит древний культурный пласт, принесенный палеоавстралийцами много тысяч лет назад на их новую родину. В этой исторической реконструкции основная роль должна принадлежать уже археологии.

Оглянемся назад и подведем итоги. Данные палеоантропологии показывают, что предки австралийских аборигенов были по своему антропологическому типу протоавстралоидами. Эти данные не подтверждают гипотезу о том, что австралийцы произошли из смешения двух рас — негроидов и протоавстралоидов, скорее говорят об однородном расовом составе их предков. На это указывают и результаты серологи-

ческих исследований.

Выводы о гомогенности аборигенов и их расселении с севера из одного, может быть двух центров находятся в соответствии со взглядами таких знатоков австралийских аборигенов, как Эдуард Эйр (Evre, 1845) и Эдуард Кёрр (Сигг, 1886). Протоавстралондный тип, свойственный палеоавстралийцам, прослеживается не только в Австралии, но и на Новой Гвинее (череп из Антапе) и Яве (вадьякские черепа), а затем и дальше, среди верхнепалеолитических черепов Азии, Европы и Африки. Есть данные, свидетельствующие о том, что протоавстралонлы в качестве наиболее раннего компонента вошли и в состав американских индейцев. Все это позволяет думать, что протоавстралондный тип был широко представлен на огромных пространствах населенной человечеством эйкумены в ту эпоху, когда началось формирование основных современных рас. Австралийские аборигены в наибольшей степени, чем какая-либо другая раса, сохранили черты этого древнего антропологического типа. Как показывают сравнительные данные, австралийцы эволюционировали физически уже на территории Австралии и утратили некоторые особенности протоавстралондного типа.

Австралия не входила в зону формирования человека. Как можно судить на основании геологических данных, радноуглеродного и хими-

ческих анализов, переселение человека в Австралию произошло в плейстоцене, когда существовали необходимые для этого условия (материковые мосты и узкие проливы между Юго-Восточной Азией и Австралией), не позже чем 13-18 тыс. лет назад. Но, скореее всего, это произошло несколькими тысячелетиями раньше, так даты в как 13-18 тыс. лет получены в результате радиоуглеродного анализа образцов из Юго-Восточной Австралии, а заселение Австралии шло с севера, и сначала была заселена вся Восточная Австралия. Кроме того, аборигенное население от сравнительно небольшой человеческой неской группы или двух-трех небольших групп (об этом тоже говорят серологические исследования), а единственным стимулом для расселения могло быть только значительное увеличение населения и, как следствие этого, недостаток продовольственных ресурсов. Следовательно, в Австралию пришли люди эпохи позднего палеолита с соответствующей культурой. В антропологическом отношении они принадлежали к протоморфной арханческой форме неоантропа. В условиях относительной изоляции австралийцы сохранили в известной мере не только свой древний расовый тип, но и некоторые элементы позднепалеолитической культуры. Какие именно, могут показать лишь специальные исследования, прежде всего археолого-этнографическое изучение каменных орудий труда австралийцев.

Сравнительно более холодный и влажный климат Австралии в эпоху плейстоцена способствовал заселению ее центральных областей. Оно началось, вероятно, уже в ту отдаленную эпоху. Суммируя все данные, я делаю вывод, что первое появление небольшой группы людей в Австралии произошло приблизительно 20-25 тыс. лет тому назад.

Среди антропологов, как мы видели, имеются разногласия относительно места, которое занимают австралніцы среди других расовых групп человечества. Это расхождение во взглядах относится главным образом к вопросу о том, принадлежат ли австралийцы к одной из больших рас и к какой именно или они составляют pacy «sui generis». говоря словами Н. Н. Миклухо-Маклая. Но почти все антропологи сходятся в том, что австралийцы принадлежат к одной из арханческих форм неоантропа. Мы идем дальше и говорим, что есть основания и в австралийской культуре видеть элементы, свойственные арханческой культуре неоантропа. Может быть, только австралийцы донесли до нас живые свидетельства нашего далекого, палеолитического проиглого.

ЛИТЕРАТУРА

Бунак В. В. Человеческие расы и пути их образования. «Советская этнография».

1956. № 1. Бупак В. В. Об очередных задачах в изучении расообразования у человека. «Советская этнография», 1958. № 3. Бупак В. В. и Токарев С. А. Проблемы заселения Австралии и Океании. Происхождение человека и древнее расселение человечества. «Труды Ин-та этнографии нм. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. 16. М., 1951.

Дебец Г. Ф. О принципах классификации человеческих рас. «Советская этнография».

1956, № 4. Дебец Г. Ф. Опыт графического изображения генеалогической классификации чело-

Дебец Г. Ф. Опыт графического изооражения генеалогической классификации человеческих рас. «Советская этнография», 1958. № 4.
Кабо В. Р. Некоторые проблемы культуры австралийских аборигенов. «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 6.
Колчин Б. А. и Монгайт А. Л. Применение естественионаучных методов в археологии. «Вопросы истории», 1960, № 3.
Народы Австралии и Океании. Под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, гл. 2.

M., 1956.

Рогинский Я. Я. Закономерности пространственного распределения групп крови у человека (к проблеме антропологии «окраинных народов»). «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 1. 1947.

Рогинский Я. Я. Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхож-

дения современного человека и его рас. Изд. МГУ, 1949.

Рогинский Я.Я. и Левин М.Г. Основы антропологии. М., 1955. Чебоксаров Н. Н. Основные принципы антропологических классификаций. «Происхождение человека и древнее расселение человечества». «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. 16. М., 1951.

Antiquity of the Australian aborigines. Nature, London, 1954, v. 173, p. 1124. Abbie A. A. The Australian aborigine. Oceania, Sydney, 1951, v. 22, No. 2, pp. 91—100.

pp. 91—100.

Beals R. L. and Hooijer H. An introduction to anthropology. New York, 1954.

Birdsell J. B. A preliminary report of the trihybrid origin of the Australian aborigines, American Journal of Physical Anthropology, 1941, v. 28. No. 3.

Birdsell J. B. New data on racial stratification in Australasia. American Journal of Physical Anthropology, 1947, n. s., v. 5, No. 2.

Birdsell J. B. The physical anthropology of the American Indian. New York, 1951.

Cunning ham P. Two years in New South Wales. London, 1827, v. 2, p. 2.

Curr F. M. The australian race. Melhourne, 1886, v. 1.

Curr E. M. The australian race. Melbourne, 1886, v. I.

Dubois E. The proto-australian fossil man of Wadjak, Java. Proceedings of Koninklijke Akademie van Wetenschappen, Amsterdam. 1922, v. 23/2, pp. 1013—1051.

Eyre E. J. Journals of expeditions of discovery into Central Australia. London, 1845,

v. 2, pp. 404-411.

G at es R. R. The Australian aborigines in a new setting. Man, 1960, v. 60, Art. 71, pp. 53-56.

Gill E. D. New evidence from Victoria relating to the Antiquity of the Australian aborigines. Australian Journal of Science, 1951, v. 14, No. 3, pp. 69-73.

Gill E. D. Geological evidence in Western Victoria relative to the antiquity of the Australian aborigines. Memoirs of the National Museum of Victoria, Melbourne, 1953, No. 18 1953, No. 18.

Gill E. D. Keilor man. Antiquity, London, 1954, v. 28, No. 10.

Gill E. D. Radiocarbon dates for Australian archaeological and geological samples.

Australian Journal of Science, 1955, v. 18, No. 2.

Gill E. D. The age of Keilor man, Australia. Anthropos, 1955, B. 50, S. 417.

Godlewski A. L. Struktura anthropologiczna rdzennej ludności Nowej Gwinei. Godlewski A. L. Struktura anthropologiczna rdzennej ludności Nowej Gwinei, Australii i Melanezji. Materiały i prace anthropologiczne, Wrocław, 1959, No. 12. Hale N. M. and N. B. Tindale. Noles on some human remains in the lower Murrav valley, South Australia. Records of the South Australian Museum. Adelaide, 1930, v. 4, No. 2, pp. 145—218.

Hooton E. A. Up from the Ape, New York, 1946.
Howells W. W. Anthropometry of the natives of Arnhem Land and the Australian race problem. Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology. Harvard University, Cambridge, Mass., 1937, v. 16, No. 1.

Howitt A. W. The native tribes of South-East Australia, London, 1904, pp. 1—33. Hrdlička A. Light hair in Australian aborigines. American Journal of Physical Anthropology, 1926, v. 9, No. 1, pp. 137—139.

Hrdlička A. The peopling of the earth. Proceedings of the American Phylosophical Society, Philadelphia, 1926. v. 65, No. 3, pp. 150—156.

Keble R. Notes on australian quaternary climates and migration. Memoirs of the Na-

Keble R. Notes on australian quaternary climates and migration. Memoirs of the National Museum of Victoria, Melbourne, 1948, No. 15, pp. 28—81.

Keesing F. M. Some notes on early migrations in the Southwest Pacific area. Southwestern Journal of Anthropology, 1950, v. 6, No. 2, pp. 101—119.

Keith A. The antiquity of Man. London, 1925, v. 1, p. 375; v. 2, pp. 457, 713.

Keith A. New discoveries relating to the antiquity of Man. New York, 1931, pp. 307—310.

рр. 307—310.

Keith A. A. New Theory of Human Evolution. London, 1949.
Kooptzoff O. and E. J. Walsh. The blood groups of a further series of Australian aborigines. Oceania, Sydney, 1957, v. 27, No. 3, pp. 210-213.

Kroeber A. Anthropology, New York, 1948.
Laseron C. E. Ancient Australia, Sydney, 1954.
McCarthy F. D. Australia's aborigines. Their life and culture. Melbourne, 1957.
Macintosh N. W. G. The Cohuna Cranium: Physiography and chemical analysis.

Oceania, Sydney, 1953, v. 23, No. 4, pp. 277—296.

Mahony D. J. The problem of antiquity of Man in Australia. Memoirs of the National Museum of Victoria, Melbourne, 1943, No. 13, pp. 7—56. Mahony D. J. The Keilor fossil skull: geological evidence of anthiquity, ibidem, pp. 79-81.

Mathew J. Eaglehawk and Grow. London, 1899.

Mathew J. Two representative tribes of Queensland. London, 1910.

Mourant A. E. The distribution of the human blood groups. Oxford, 1954, pp. 131—135.

Schmidt W. Die Stellung der Pygmäenvölker in der Entwicklungsgeschichte des Menschen. Stuttgart, 1910.

Simmons R. T. A report on blood group genetical surveys in Eastern Asia, Indonesia, Melanesia, Micronesia, Polynesia and Australia in the study of Man. Anthropos, 1956, B. 51, No. 3—4, SS. 500—512.
 Speiser F. Versuch einer Siedlungsgeschichte der Südsee. Zürich, 1946.
 Taylor G. Environment and Race. London, 1927.

Tindale N. B. The antiquity of Man in Australia. Australian Journal of 1941, v. 3, No. 6, pp. 144-147.

Tindale N. B. The peopling of South-Eastern Australia. The Australian Museum Magazine, Sydney, 1956, v. 12, No. 4, pp. 115—120.

Tindale N. B. and Birdsell J. B. Results of the Harvard-Adelaide Universities anthropological expedition, 1938—1939. Tasmanoid tribes in North Queensland. Re-

cords of the South Australian Museum. Adelaide, 1941, v. 7, No. 1.
Topinard P. Etudes sur les races indigènes de l'Australie. Paris, 1872.
Wagner K. The Craniology of the Oceanic Races. Norske Videnskaps-Akademie, Math. Nat. Klasse, 1937, No. 1

Weldenreich F. The Keilor skull: a Wadjak type from Southeast Australia. American Journal of Physical Anthropology, 1945, n. s., v. 3, No. 1.
Willey G. R. New World prehistory. Science, 1960, v. 131, No. 3393, p. 75.
Wood Jones F. The status of the dings. Transactions and Proceed. of the Roy. Society of South Applied 1988.

ciety of South Australia, 1921, v. 45, pp. 254—263.
Wood Jones F. Australia's vanishing race. Sydney, 1934, p. 11.
Wood Jones F. The antiquity of Man in Australia, Nature, London, 1944, v. 153.

pp. 211—212.

Wunderly J. The Keilor fossil skull: anatomical description. Mem. of the Nat. Museum of Victoria, Melbourne, 1943, No. 13, pp. 57—69.

Zeuner F. E. Homo sapiens in Australia contemporary with Homo neanderthalensis in Europe. Nature, London, 1944, v. 153, p. 622. Zeuner F. E. Dating the Past. London, 1958.